

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ
МЕЛОДРАМЫ

Читайте криминальные
мелодрамы
Дарьи Кожевниковой

Исповедь Цирцеи
Если это судьба
Ангелы далеко
Завтра на двоих
Стеклянное сердце
Охота на лесную нимфу
День из чужой жизни
Любовь убитой Снегурочки
Побег в пустоту
Опасный танец втроем

ДАРЬЯ
КОЖЕВНИКОВА

АНГЕЛЫ ДАЛЕКО

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К58

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Кожевникова, Дарья Сергеевна.

К58 Ангелы далеко / Дарья Кожевникова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы).

ISBN 978-5-04-107647-4

Скрываясь от неадекватного бывшего мужа, Инна приехала работать фельдшером в далекий северный поселок. Встретили ее приветливо, но служебное жилье оказалось совершенно непригодным, и Инну определили на квартиру к шоферу Вадиму, человеку с тяжелой судьбой, потерявшему свою семью. Вначале девушка была в шоке от такого варианта — как можно жить под одной крышей с чужим мужчиной? — но вскоре познакомилась с Вадимом поближе и поняла, что его не стоит опасаться. Жизнь понемногу налаживалась, но вдруг выяснилось, что в поселке орудует неуловимый убийца, душачий женщин... По долгу службы Инне приходилось осматривать тела жертв, и участковый недвусмысленно намекал, что в число подозреваемых входит и Вадим. Но невозможно поверить, что человек, с которым у нее возникла взаимная симпатия, повинен в этих ужасных преступлениях.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кожевникова Д. С., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство

«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107647-4

*Посвящается
светлой памяти моего отца,
Кожевникова Сергея Сергеевича*

Тихо хрустнула замерзшая ветка под его ногой. В вечерней тишине на окраине даже не города, а поселка этот звук прозвучал, как выстрел. Или ему показалось так? Во всяком случае, женщина его услышала. И, нервно оглянувшись, прибавила шаг. Он выругал сам себя за неуклюжесть. Не то чтобы боялся ее упустить, но собственная оплошность лишила происходящее части очарования. Теперь он уже не сможет подкрадываться к ней бесконечно долго, наслаждаясь предстоящим, смакуя каждую минуту и чувствуя, как адреналин вскипает в крови.

Это было непередаваемое, фантастическое и настолько острое наслаждение, что почти граничило с болезненными ощущениями. И вот теперь... Но он отбросил от себя эту мысль. Заставил отбросить. Пусть сейчас не удалось сделать так, как хотелось, но будут следующие жертвы. Обязательно будут. Потому что получить удовольствие не единственная его цель, хотя он и ловил себя на мысли, что с каждым разом удовольствие становится все больше и ему все сильнее хочется испытать его вновь. Нет, помимо этого, целью было еще и уничтожить. Причинить боль, заставить жертву корчиться, извиваться от ужаса, как червяк, а потом уничтожить. Стереть с лица земли еще одну представительницу племени, которое он однажды так

возненавидел, что в конце концов и пришел к тому, чем занимался сейчас.

Женщина опять оглянулась, и он пригнулся, поставившись слиться с черным кустарником: не хватало еще, чтобы жертва начала кричать прежде, чем состояние до нее станет достаточным для того, чтобы в считанные секунды заглушить этот крик. Мало ли кто может услышать? Ведь, помимо них двоих, могут быть и другие, кого носит по окраине поселка в столь поздний час.

Но женщина ничего не заметила и снова устремилась вперед почти бегом. А он, куда более сильный и быстрый, пустился следом. Как хищник, настигающий свою добычу. Несколько быстрых широких шагов на полусогнутых ногах. Ноздрей коснулся легкий аромат духов и запах пота. Того пота, который не способны были нейтрализовать никакие дезодоранты — от страха, от смертельного ужаса. Он с наслаждением втянул в себя этот запах. Женщина услышала его вздох и развернулась. И теперь увидела его стремительно надвигающуюся черную фигуру. Но это было уже не важно.

Поезд стучал колесами на стыках рельсов. Зима в их краях всегда приходила рано, и даже первые морозы редко отличались мягкостью, а в нынешнем году природа, кажется, решила поставить рекорд. В вагоне было холодно, окно заиндевело, и через него мало что можно было разобрать. Сидя за столом у окна, Инна прижала ноги в сапогах к едва теплomu радиатору, чувствуя, что ступни уже на грани замерзания. В соседнем купе мужская компания грелась по-своему — химическим, так сказать, путем. Собеседники разговаривали друг с другом на повышенных тонах, каждый старался перекричать другого, и никто никого не слушал. Инна

в своем купе находилась, к счастью, одна. Ей не хотелось бы попасть в такую же пьяную компанию. Только этого ей и не хватало для полного «счастья» как раз в тот момент, когда она по-настоящему начала понимать, куда ее занесло. Точнее, даже и не занесло, а она сама так сделала, отправилась бог знает куда, причем осознанно, не желая оставаться после училища дома.

Инна закрыла глаза. Дома сейчас тепло, тихо тикают часы на маленьком столике возле мягкого-премягкого большого дивана с подушками, над которым склоняется изящный торшер. Красиво, уютно. У окна волнистыми складками струятся занавески, на полу пушистый ковер. А тут стук колес, пьяный гвалт в соседнем купе, и замерзнуть можно даже в вагоне. Но она сама этого захотела, никто ее не толкал. Потому что в их городе жил человек, который был способен превратить ее существование в ад, и единственным для Инны способом предотвратить это было оказаться от него на как можно большем расстоянии.

— Соловьева, извини, что вмешиваюсь, но я совершенно случайно услышала, что по ряду причин тебе хотелось бы уехать из города по распределению, — сказала Инне перед самым вручением дипломов вызвавшая ее к себе в кабинет директриса училища.

— Да, именно так, — не стала отпираться Инна.

Ей было уже не важно, кто и что рассказал директрисе. Как с ней, так и со своими почти уже бывшими сокурсницами Инна вряд ли встретится в дальнейшей жизни, потому что совершенно точно окажется от них очень далеко. Вопрос был только в том, куда ехать. И тут директриса заговорила как раз об этом.

— Могу кое-что предложить тебе. Требуется фельдшер в одном из северных поселков. Там ведутся лесозаготовки, имеется деревообрабатывающий комбинат

и еще какая-то не слишком тяжелая промышленность, так что место как будто не совсем глухое. Медик нужен позарез. Сама понимаешь: работа на улице, травмы и прочее, а «Скорая» пока еще доедет по бездорожью... Да и местным бабкам надо где-то хоть иногда давление измерить. Я от тебя ничего не скрываю, говорю как на духу: предлагаю отнюдь не райские кущи. Но, с другой стороны, вроде и не полный отстой, как вы, молодежь, выражаетесь.

Но тут директриса ошибалась. Отстой был полный. Впрочем, и до отъезда Инна допускала, что так может быть, но в тот момент любая авантюра казалась ей лучшим выходом, чем оставаться дома, в их с мамой уютной квартирке. Но сейчас, слушая скрип старого вагона и глядя на заиндевевшее окно, за которым угадывалась темная стена нескончаемого леса, она начала испытывать нечто подобное чувству, которое, наверное, испытывает человек, очертя голову кинувшийся в черный омут. В родном городе, при всех грозивших Инне неприятностях, все-таки все было знакомо, и мама была рядом, а тут... Девушка судорожно вздохнула, заранее ощущая острую неприязнь к тому, что ждало ее в конце пути.

Женщина не успела закричать, как и многие другие до нее. По опыту он знал, что на крик жертва переходит не сразу, есть несколько мгновений до того, как преследуемая осознает свое положение, поймет, что ее ожидает, соберется, сделает вдох... И за эти мгновения он всегда успевал перекрыть рвущийся из ее горла воздух. Потом следовала борьба, такие длинные и вместе с тем такие короткие секунды, и вот жертва не то что нема, а уже и не дышит. Он обожал это ощущение, когда тело под ним вначале ослабляло сопротивление, а

затем и вовсе замирало, безжизненное, полностью покорное его воле.

Тяжело дыша, убийца поднялся, поправил на себе одежду. Присел рядом со своей неподвижной жертвой, такой теплой, как будто была еще жива, и такой покорной, какими женщины бывают только после смерти. Поднял ее руку и отпустил, наслаждаясь чувством полной власти над безжизненным телом.

С первой было не так. Первая, городская сучка, которая была его любовницей, потеряла сознание, когда он слишком сильно ударил ее в пылу их последней ссоры. Не удержался и ударил. Потому что та, забеременев от него, начала предъявлять ему претензии. А ведь была замужем! Он же так понимал: либо живешь с мужем и не гуляешь от него, либо гуляешь и все последствия расхлебываешь сама. Кроме того, откуда ей было знать, что он люто ненавидит вообще всех беременных? Вот и врезал ей от души, после чего у него и возникло восхитительное чувство полной власти над ней. Только длилось оно недолго, до того момента, пока женщина не пришла в себя, пока не начала визжать, раздражая его слух. А он с детства не выносил женского визга, ненавидел этот звук всеми фибрами души.

Тогда, в первый раз, он не хотел убивать. Хотел лишь, чтобы визжащая дура заткнулась, вот и сжал ее шею с трепетно бьющейся жилкой. Эта жилка, как маленькая птичка, билась под его ладонью... а потом перестала биться, и тело под ним неожиданно обмякло. В тот, первый, раз, остыв от охватившей его злости, он даже пытался ее оживить, не понимая, что все старания бесполезны. Нет, он не жалел ее. Просто перед ним внезапно и остро возникла проблема: что делать с телом? И как выйти сухим из воды? Он даже запаниковал вначале, так ему стало страшно в тот первый раз.

На все был готов, только бы удачно замести следы, и, конечно же, был уверен в том, что никогда больше... да, да, больше никогда...

Но после того как остался безнаказанным, страх начал проходить. Не сразу, постепенно. Долгое время он вздрагивал по ночам, заслышав чьи-то шаги: не за ним ли идут? И замирал, когда при нем начинали говорить об убийстве. Такие разговоры буквально жгли его, и ему иногда хотелось, забившись в угол, заорать во все горло: «Это не я!» Но со временем все прошло: и страхи, и грызущее чувство вины. Взамен появилось нечто новое: к своему ужасу, он понял, что очень хочет опять почувствовать свою полную власть над женским телом, ощутить тот запах ужаса и биение жилки в ладонь. Потому что с той поры ни разу больше не испытал такого острого, почти болезненного удовлетворения.

Какое-то время он сопротивлялся этому своему желанию, но потом... Потом начал заглядываться на одну из работниц их конторы. Он выбрал ее. Вначале прodelывал с ней все не раз и не два в своих фантазиях, а вскоре поймал себя на том, что уже реально обдумывает план второго своего убийства. Конечно же, ему не хотелось попасться и в этот раз, а значит, все должно произойти так, чтобы комар носа не подточил. Поэтому он очень тщательно продумывал второе свое преступление. А затем осуществил его. И с тех пор...

Он наклонился, заглянул с очень близкого расстояния своей очередной жертве в лицо. Мертва. Но надо быть абсолютно уверенным в этом. В том, что не отдышится, не сможет опознать. На всякий случай проверил ее руки — не застряли ли во время борьбы между пальцами волосы с его головы, не поцарапала ли его женщина, не осталось ли его кожи у нее под ногтями?

Достал из пакета остро пахнущую тряпицу, заботливо все обтер, отряхнул. И пошагал прочь, все той же тряпицей заметая за собой следы на морозно сыпучем снегу. После того, первого, раза он убивал только на улице и никогда не прятал трупы, считая, что больше при этом наследит, чем скроет.

Инна вышла на слабо освещенный перрон. В стороне от него в штабеля готового к отправке леса били лучи прожекторов, и там кипела жизнь: разгружались сразу несколько подъехавших лесовозов, мужики что-то кричали друг другу, где-то недалеко от них грохнула тронувшаяся с места цепочка товарных вагонов. А здесь, на пассажирском перроне, явно не ждали гостей. Единственным движением, которое уловила Инна, был полет поднятой морозным ветром бумажки, брошенной кем-то мимо заснеженной урны. И все. Девушка огляделась в поисках вокзала, но потом поняла, что здание прямо перед ней, вначале принятое ею за багажное отделение. Маленький, убогий вокзал в сравнении с их огромным городским, но другого не было, и Инна направилась к нему, кляня себя на чем свет стоит за свое глупое решение приехать сюда.

Скрипучая замерзшая дверь открылась с трудом, зато внутри оказалось довольно тепло. И абсолютно пустынно: ни буфета, ни пассажиров в крошечном зале ожидания. Вообще ничего и никого! Даже окошко единственной кассы задернуто шторкой.

— Здесь есть кто-нибудь? — устав оглядываться, громко спросила Инна. И удивилась, когда услышала в ответ из-за какой-то двери женский голос:

— Иду, иду!

В зале появилась служащая в железнодорожной форме.

— Здравствуйте, слушаю вас!

— Здравствуйте, — кивнула Инна, не удержавшись от тяжелого вздоха. — Скажите, пожалуйста, как мне попасть на автостанцию?

— На автостанцию? — Женщина посмотрела на Инну и как-то с ходу перешла на «ты». — А тебе зачем?

— Мне нужно в Боровое, — с чувством полной безнадёжности сообщила девушка.

— И только-то? — улыбнулась работница вокзала. — Так для этого нет никакой нужды добираться до автостанции. Проще всего тебе к шоферам подойти, которые лес привезли. Вон они, на товарной станции. Кто-нибудь из них обязательно окажется из Борового, вот и подкинет тебя, без разговоров и лишних хлопот.

— Спасибо, — снова вздохнула Инна.

Покинув хоть и маленькое, да все же теплое здание вокзала, девушка побрела туда, где прожекторы лили яркий свет на высокие штабеля леса. «Ничего, поработаю немножко и сбегу», — утешила она себя, зябко ежась под порывами морозно-колючего ветра.

Когда Инна добралась до оживленного грузового перрона и изложила свою просьбу первому попавшемуся светловолосому мужчине лет тридцати, тот весело откликнулся:

— Я и довезу. Как не довезти? Тем более фельдшеричку. Мы уж заждались! Нам такие кадры нужны позарез!

И ни слова о том, что медработник явно только что после училища. Инна-то всегда производила на окружающих впечатление совсем юной девчушки. Видимо, и впрямь здесь настолько остро нуждались в фельдшере, что рады-радешеньки любому. От этой мысли девушку снова кольнуло нехорошее предчувствие.

Но отступать все равно было поздно и некуда, поскольку альтернативой поездке в Боровое на ближай-

шую ночь являлся холодный и пустынный перрон. А так мужчина уже увлекал Инну к машине, ухватив ее нелегкую дорожную сумку и знакомясь на ходу. Потом помог ей взобраться в высокую кабину тихо рокочущего на холостом ходу лесовоза, колеса у которого оказались примерно Инниного роста, и оставил ее там греться. А вскоре, закончив свои дела, и сам лихо запрыгнул за руль, включил радио, и они тронулись с места.

Вначале лесовоз величаво, как и положено очень массивной машине, вырулил с территории склада. Затем выехал на дорогу и рванул вперед, как огромный лайнер, незаметно пожирая километры. Скорости почти не ощущалось, но Инна видела, как мелькают за окном заснеженные ели, сплошной стеной стоящие по обе стороны дороги.

— Ты шубку-то расстегни, а то вспотеешь, — предложил шофер, представившийся Степаном.

Сам он снял с себя куртку, едва забравшись в кабину. Инна посмотрела на него, желая получше запомнить первое лицо из множества незнакомых лиц, ожидающих ее в Боровом. И последовала совету. В кабине действительно было тепло. Так тепло, что девушка ощутила, как начинают отогреваться, казалось, навечно заледеневшие в поезде ноги. А льющаяся из динамиков спокойная музыка целительным бальзамом ложилась на ее натянутые нервы. «Как мало порой бывает нужно человеку! — вдруг подумала Инна. — Может, не так уж и плохо будет там, в поселке лесозаготовителей?»

— Хорошо, что ты к нам, — словно вторя мыслям пассажирки, сказал Степан. — Я тебя до самой конторы доброшу, мне как раз накладные надо туда завезти.

— До конторы? — не поняла Инна.